

Глава пятая. Немного о Павле Петровиче Бажове

К тому, что сказано о нашем классике, что-то прибавить едва ли возможно. Однако, вполне могут представить интерес следующие документы из его жизни, непосредственно связанные с писательской организацией.

Архив сохранил «Самоотчёт тов. Бажова» на партийном собрании 27 апреля 1936 года. «Заседание партгруппы. Присутствуют: тт. Панов, Кореванова, Бажов, Хорунжий, Балин, Куштум.

Председатель Кореванова А.Г., секретарь Куштум Н.А.

Слушали: Самоотчёт товарища Бажова.

«Работал в Лестехиздате редактором художественной литературы. Издавали Мамина-Сибиряка, Решетникова, Короленко, Поликарпенко. Задумали книгу очерков наших писателей по лесной тематике, но не удалось, слабый был материал. Хотели сделать книгу о строительстве Камбумстроя, но оно сильно затягивается. И ушёл из Лестехиздата, где мне нечего стало делать. Теперь я работаю исключительно над книгой по истории Камышловского полка по заданию испарта. Над книгами историко-революционного порядка я уже работал («К расчёту» и «Бойцы»). Я хочу отразить роль партии в организации рабочих полков. Книга основана на подлинных исторических документах. Но получается, что эта книга не является ни исторической, ни художественным произведением. И я стал сомневаться – нужны ли такие книги? Материал по истории Камышловского полка мною уже собран, остается только оформить его в книгу. Последнее время я много работал над сборником фольклора. Распространилось неверное мнение, будто на Урале до революции рабочие и золотоискатели не создавали своих песен. Я решил это дело опровергнуть на деле – путем сбора этих материалов. Правда, преобладала песня сатирического и юмористического плана. Над этим сейчас работаю. В 1929 году я издал книгу «Уральские были»,

основанную на фольклоре. Книга имела успех и сейчас она пользуется известностью. Это укрепило мое желание работать над фольклором. (зачитывает «сказку» «Медной горы хозяйка»).

Было несколько случаев, когда я в своих произведениях допустил лакировку действительности («Потерянная полоса» и «Святая ночь»). Выпустил я в свое время книжку, ошибочно названную мной «Пять ступеней коллективизации» (далее четыре строки зачеркнуты – А. Т.)

Я более склонен работать над историко-революционным фольклорным материалом. В дальнейшем мне хочется написать книгу – историю об одной какой-нибудь деревне Ирбитского района, скажем, за 18 лет, как она росла и развивалась. А особенно мне хочется написать историю Сысертского горного округа, которую я хорошо знаю. А также меня привлекает история Мраморского завода.

Бытовые условия у меня для работы благоприятные. Конечно, придется снова поступить на работу, так как на гонорар мне не прожить. Партийной учебой я занимаюсь. Много приходилось читать в связи с работой над историческими книгами (высказывания Ленина по аграрному вопросу, прорабатываю историю гражданской войны»).

Прения:

Куштурм: Хочется сказать по двум вопросам. Слушая сказку «Медной горы хозяйка», я убедился, что работа т. Бажова в области рабочего фольклора важная и большая. Этим опровергается вредное мнение, что на Урале не было рабочего фольклора. Тов. Бажову хочется написать и о том, и о другом, и о третьем. Надо видеть главное.

Панов: отмечается ценность работы тов. Бажова, особенно в области истории гражданской войны и фольклора. Тов. Бажову нужна помощь, главным образом, партийная оценка работы. Тов. Бажову надо включиться в создание книг к 20-летию Октябрьской революции. Кроме этого, надо поставить вопрос перед областной редакцией «Истории фабрик и заводов» об использовании тов. Бажова.

Балин: По моему мнению, фольклор Сысертского завода не характерен для Урала. Кроме того, этот завод в революционном движении не играл большой роли, как, скажем, Надеждинский или Молотовский заводы. Было бы интереснее, если бы собрать фольклор с этих заводов» (ф. 304, оп. 1, д. 1, лл. 41–43).

Ещё документ, связанный с П.П. Бажовым.

«Протокол партсобрании от 16 февраля 1940 года.

Доклад о работе секции поэтов. Докладывает руководитель секции тов. Куштурм.

В прениях:

Бажов: «Партучеба для нас – самое основное. У поэтов, не работающих над собой по изучению марксизма-ленинизма, нет идейной целеустремленности. Мы не приблизились к формулировке товарища Сталина быть инженерами человеческих душ. Необходимо тебе, товарищ Куштурм, возглавить это дело. Секция должна заниматься не только литера-

турным ремеслом, но необходимо, чтобы люди овладели марксистским мировоззрением. Прикрепленные к нам московские поэты должны работать у нас по 2-3 месяца. Хорошо, что наши поэты начали печататься в Москве.

Положительным моментом в руководстве товарища Куштума является работа поэтов в массах» (ф. 304, оп. 1, д. 1, л. 65).

И ещё один документ – отчёт П.П. Бажова об изучении книги Сталина «Краткий курс истории ВКП(б)».

«Слушали: Сообщение т. Бажова о том, как он работает над изучением истории нашей партии.

Лично для меня, говорит т. Бажов, изучение истории партии имеет громадное значение. Каждая фраза – это тезис. Я начал с читки истории, прорабатывая по 3-4 страницы в день. Одновременно изучал первые источники (Ленин, Сталин). Для моих работ особенно важными и интересными являются 80-е годы. Кроме того, я читал исторические труды Маркса и Энгельса и делал выписки...» (там же, л. 65, оборот).

Разумеется, надо учитывать, что мы имеем дело не со словами самого Павла Петровича, а только с тем, как они отражены в протоколе, то есть, как они были поняты и спешно записаны. Хотя и признавался Павел Петрович, что он всегда говорит «бестолково, и никогда ни одна стенограмма не выходила путной» (Павел Петрович Бажов. Письма 1911-1950. М., – Екатеринбург, 2018. С. 359), но не думается, чтобы секретарь на указанных собраниях владел стенографией и точь в точь передавал сказанное. Более того, стенографически был в те годы зафиксирован всего лишь один документ – протокол партийного собрания 21 сентября 1951 года, посвященный 5-летию постановления 1946 года по журналам «Ленинград» и «Звезда», и который вылился едва не в 140 страниц. Таким рекордным количеством листов не располагает более ни один и из исследуемых нами документов. Остальные протоколы исполнялись по ходу собрания избираемым всякий раз новым секретарем, успевающим за ходом собрания. Протоколы потом перепечатывались на машинке.

В этом отношении приходится вспомнить протоколы нашего правления, которые с протоколами тех лет безнадежно проигрывают. Большой частью они написаны А. Титовым и по следам правлений по редким заметкам, сделанным по ходу правления, так как ему обычно приходилось и вести правления. И пошёл он на это после того, как несколько раз попытался передать функцию секретаря поочередно членам правления. Увлеченные ходом обсуждения рассматриваемых вопросов такие секретари протоколов не вели и только извинялись и просили их больше секретарями не назначать. Вроде бы писатели, а вот, как говорится, приходит и на старуху проруха.

Или вот такой документ:

«Выписка из Партколлегии Уполномоченного комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) № 7, п. 1 от 27 января 1938 г.

Слушали: параграф 1, Б-16 Дело Бажова П.П.

Бажов П.П., рождения 1879, член ВКП(б) с 1918 г., партбилет № 0406888 – изъят Свердловским ГК ВКП(б). Соцположение – служащий. Образование – окончил Пермскую духовную семинарию.

При возникновении дела – редактор социально-экономического отдела Свердловского ОГИЗа.

2.02.1934 г. Сталинским РК ВКП(б) г. Свердловска объявлен выговор за несообщение парторганизации при прохождении чистки о том, что ему установлен неправильный партстаж.

25.01.37 г. Свердловским Горкомом ВКП(б) исключен из партии как автор антисоветской книги «Формирование на ходу».

Апеллирует.

Установлено: Бажов привёл в своей книге «Формирование на ходу» выдержку из воспоминаний Попова, политически неправильно характеризующую организацию «союза фронтовиков» (не дал большевистской критики этой вредной политической выдержке). Упомянув в своей книге как активных участников гражданской войны Попова и Никонова (троцкисты), не проверил их политического лица.

Докладчик т. Башуров. Бажов присутствует.

Постановили: В отмену решения Свердловского ГК ВКП(б) от 25.01.37 г. Бажова П.П. в партии восстановить.

Поручить Свердловскому ГК ВКП(б) оформить партдокументы на Бажова П.П.

Врид секретаря парткомиссии Башуров».

Глава шестая. Те самые, сороковые роковые

На второй день войны состоялся митинг писателей и работников СвердлОГИЗа, на котором было постановлено в самый короткий срок 8-10 дней всем писателям «дать в альманах вполне удовлетворительный материал: рассказы, стихи, очерки, статьи», из которых «товарищ Бажов в такой короткий срок составил литературный альманах номер 5». Далее документ (лист 103) говорит, что через две недели после начала войны были изданы в Свердловске два «боевых сборника» о героизме РККА и, более того, известная речь Сталина, произнесенная 3 июля по радио, вышла в СвердлОГИЗе, тиражом 50 тысяч экземпляров уже на следующий день 4 июля!

Первый из «боевых сборников» – это альманах «Уральский современник» номер четыре, сданный в набор в феврале и подписанный к печати 20 мая 1941 года. И, значит, вышел в свет он уже с началом войны. Его авторы: П. Бажов, К. Мурзиди, А. Климов, Е. Трутнева, В. Хомзе, В. Занадворов, С. Тельканов, К. Боголюбов, В.П. Бирюков, И. Владимиров, Юр. Чап. В составе редакционной коллегии: К.В. Боголюбов, Н.Л. Николаев, Н.А. Попова, А.Ф. Савчук, М.В. Шведов, Е.М. Лебедев.

Второй из «боевых сборников» – альманах «Наш современник» номер пять. Он был сдан в набор 20 июля и подписан к печати 13 августа 1941 года. Разница в выпуске ощущается. Первый был в производстве практически 4 месяца, а второй – хотя и не две недели, как было сказано, но менее месяца. Открывался второй «сборник» речью председателя Государственного комитета обороны И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 года, начинающейся знаменитыми впоследствии словами: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои! Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу родину, начатое 22 июня, – продолжается...» Далее была перепечатка из газеты «Красная звезда» статей Всеволода Вишневского «Уроки истории» (от 23 июня) и Ильи Эренбурга «Гитлеровская орда» (от 26 июня). А потом были стихи Евгении Хоринской, рассказ В. Старикова «Патриоты» о первом дне войны, стихи К. Мурзиди, рассказ Н. Поповой «По дорогам войны», рассказ Б. Рябинина «Мертвый конус», стихи Л. Носова и М. Просвирнова, отрывок под названием «Разведчик» из романа Александра Макарова, рассказ А. Савчука «Интервенты», стихотворение Е. Трифонова, очерк О. Марковой «В колхозе «Победа» о первом дне войны, стихи Н. Куштума, очерк Юр. Чап. «Великие будни», записки К. Богомолова «В эти дни. Из дорожного блокнота», очерк В. Старикова «Рассказ матери героя». В редакционной коллегии: П.П. Бажов (ответственный редактор), К.В. Боголюбов, К.Г. Мурзиди, Е.М. Лебедев.

Вскоре, уже в сентябре, было решено альманах выпускать по типу журнала, чтобы как можно более оперативно отвечать «на реалии времени». Но «реалиями времени» стал лозунг «Всё для фронта. Всё для победы!», который предусматривал жесточайшую экономию во всем, в том числе и в бумаге. И альманах продолжал выходить один-два раза в год.

В очерке «Музы не молчали» известный уральский писатель Борис Рябинин написал о жизни и деятельности Свердловской писательской организации в годы войны. При всем желании поместить этот очерк в «Краткий курс» целиком, мы этого делать не стали. А прочитать его можно в двухтомнике «Все для победы», посвященном 60-летию Победы и составленном М.П. Никулиной, В.А. Блиновым, Л.П. Быковым, Г.Ф. Дробизом, Ю.В. Казариным.

Из этого очерка мы взяли только фамилии литераторов, которые упоминает Б.С. Рябинин. И начинается упоминание этих фамилий с приехавшей в августе 1941-го из Киева детской писательницы Оксаны Иваненко. Далее он приводит имена ленинградцев. «... приехали один из зачинателей советской поэзии Илья Садофьев, Ольга Форш, профессор, доктор, исследователь истории отечественной техники, принятый в Союз писателей уже в Свердловске, В.В. Данилевский... Из Москвы приехали Анна Караваева, Мариэтта Шагинян, Федор Гладков, Лев Кассиль, Б.С. Ромашов с женой, Агния Барто со своим семейством, Виктор Финк со своими «Финками» (вероятно, так в шутку называли его дочерей – А.Т.), профессор Л.П. Гроссман, один из последних «символистов» и старейших поэтов страны Юрий Никандрович Верховский, профессор Н.К. Гудзий, поэтессы Ольга Высотская, Вера Звягинцева, критик и литературовед Л.И. Скорино, автор русского тек-

ста «Интернационала» Аркадий Коц, один из старейших писателей Н.Н. Ляшко. Какое-то время жил в Свердловске М.Д. Марич, минский писатель и скромнейший душевный человек член Союза писателей с 1934 года Феодосий Шинклер, современный и друг В.Г. Короленко – Н. Чаговец, дочь Короленко, хранительница музея Короленко в Полтаве, Су-санна Люм, начинающий прозаик Сарра Марголис, молодые поэтессы Агния Кузнецова и Людмила Младко, сотрудник центрального Литфонда Е.Я. Берлинраут и многие другие. Мимоходом к семье на 10 дней отпуска приехал корреспондент «Красной Звезды» Ле Славин, мелькнул журналист Л. Хват». Упомянул Б.С. Рябинин ещё Е. Пермяка, А.С. Новикова-Прибоя, Викторина Попова и побывавшего в Свердловске Александра Фадеева. Упомянул также Борис Степанович кое-кого из тех, кого решил оставить безымянными, только сказав: «но были такие, (правда, их было ничтожное меньшинство), которые предпочитали брюзжать, ныть, недовольные всем и вся, озабоченные больше всего тем, как бы отсидеться, переждать грозу. Для тех плохи были и Урал, и Свердловск, да и, вероятно, все мы, уроженцы края». Завершил он упоминание о них словами: «Не стоит называть их. Они сами наказали себя...»

Думается, следует возразить такой позиции – оставлять кое-кого безымянными только из соображений этики, присущей всему русскому менталитету, исходящему из православия, не обнародовать плохое под предлогом, что «они сами наказали себя». Конечно, мы не судьи. Но ведь писать историю (даже и не историю, а всего лишь «краткий курс») – это все-таки занимать какую-то личную позицию и, конечно, за эту позицию быть в ответе, то есть все-таки быть судьей. Бесстрастной истории не бывает. И, главное, наивно полагать, что те люди, о которых не упоминается только из соображений этики, и которые на самом деле «сами наказали себя», действительно сами наказали себя. Чёрного кобеля не отмоешь добела. И так говорить, что «они сами наказали себя» – это им потворствовать. С чего бы они вдруг кинулись когда-то потом, якобы в целях «отмывания себя добела» наказывать себя!

Впрочем, многие с такой позицией не согласятся. Впрочем, и мы сами в своем «Кратком курсе» стараемся обходить некоторые не совсем удобные моменты для некоторых имен – не нам неудобные, а неудобные носителям этих имен, за них сберегая их имена. И ведь дело ещё и в том, что никто из нас не признает себя участником этих самых «неудобных моментов», не признает того, что поступали они некрасиво, что поступались своим именем, если даже знали, что поступались. Моральные заветы – это не присяга. Нарушить их труда не составляет – тем более при условии, что останется это нарушение безнаказанным, даже без каких-либо последствий в виде угрызений совести. А подчас так вообще большинство из нас свято верит в собственную непогрешимость и с этой верой уходит в могилу, или обозясь на весь мир, или «великодушно прощая» его.

А сравнивая некоторые факты, приведенные Б.С. Рябининым, с архивными документами, позволим себе устранить некоторые, совсем не умаляющие достоинств его очерка, неточности. Ну, хотя бы вот такие. Например, архивный документ показывает, что пер-

вые, «эвакуированные из Москвы сами, без разрешения», члены Союза писателей появились в Свердловске уже в июле 1941 года. И кинувшемуся им помогать в обустройстве и прописке П.П. Бажову было указано на неправомочность его действий (ф. 304, оп.1, д. 1, л. 112). То есть киевский детский писатель Оксана Иваненко, активно включившаяся в работу Союза писателей, как пишет Борис Степанович, не была первой из приехавших. Были, оказывается, такие прыткие, кто сумели приехать не из горящего Киева, а пока ещё вполне благополучной Москвы. И Оксана Иваненко не была, да и не могла быть, как пишет Борис Степанович, секретарем партийной организации по практическим соображениям. Секретарем парторганизации был авторитетный П.П. Бажов, а она была избрана его заместителем. И это случилось в ноябре 1941 года (там же, л. 119). А в июле 1941 года секретарем парторганизации был избран Макаров, заместителем – Глазырин (там же, л. 105). И имя Оксаны Иваненко стало упоминаться в партийных протоколах только с сентября 1941 года наряду с именами Ольги Форш, Агнии Барто, Б. Гроссмана. В середине ноября 1941 года появились в уральской прессе имена А. Караваевой, Ф. Гладкова, Гринберга, в конце ноября – М. Шагинян. В сентябре 1941 года был мобилизован в РККА Н.А. Куштум, во всяком случае, в сентябре райвоенкомат запросил его партийную характеристику, а это делалось только в связи с призывом, и его имя в документах парторганизации ССП времен войны перестало упоминаться. С августа были организованы выступления писателей по радио. Выступали Бажов, Боголюбов, Хоринская, Мурзиди, Макаров, Баранов, Куштум, Рябинин (там же, л. 110). И в ноябре начинает оформляться отделение Литцентра на Урале. Был ли этот Литцентр отделением Литфонда или был он самостоятельный профсоюзной организацией, пока сказать трудно. Но лист 121 протокола партсобрания от 29 ноября 1941 года, говоря о Литцентре, одновременно говорит и о профкоме, членами которого были избраны товарищи Финк, Ромашов, Рождественская, Садофьев, Гринберг, Звягинцев, Чалая, Бычков. А обустройством быта и в первую очередь квартирным вопросом, как сказано в том же документе, и об этом говорит в своем очерке Б.С. Рябинин, занималась Анна Караваева, надо полагать, как самая известная и потому самая авторитетная. Приходилось участвовать в этом – тоже как известному и авторитетному – и Павлу Петровичу Бажову. В связи с наплывом в город и область эвакуированных предприятий и учреждений вопрос размещения их сотрудников был сложнейшим. Как пишет Б.С. Рябинин, вопрос решался так, что собирались выселить из города в область всех писателей: «Не все ли равно, где писателю сидеть и писать – в Свердловске или Верх-Нейвинске? Были бы бумага и чернила...» И он же пишет дальше об эвакуированных: «Жили в уборных, дровяниках. На сцене Театра юного зрителя работали станки, та же участь постигла клуб «Профинтерн» (Дворец культуры имени Свердлова). В здании Уральского индустриального (ныне политехнического) института размещалось три завода; завод въехал в помещение университета на улице 8-го Марта. В первую очередь требовалось разместить оборонные предприятия (а на оборону тогда работали все, даже самые «мирные») их выгружали, и тут же, сходу, они разворачивали производство – в старых бараках, в недо-

строенных помещениях, зачастую под открытым небом, несмотря на приближение зимы. А эшелоны с людьми, оборудованием целых заводов, материалами (...) все шли и шли (...) Трудности были не только с питанием и жильем. Жесткий лимит был введен на пользование электроэнергией (...) Поэтому многие работали вне дома – в библиотеке, в зале Дома партпроса (...) Все издательские планы полетели к чёрту, производство и расход бумаги резко сократились, многие издания прикрылись, возможности печатания упали почти до нуля...» Такую картину военного быта дает Б.С. Рябинин. От себя прибавим, что в здании нынешнего министерства культуры и областного историко-краеведческого музея располагался завод № 217, ныне известный всему миру Уральский оптико-механический завод имени Яламова, прибывший из Москвы в ноябре 1941 года. В нашем же Доме писателя и бывшем ДЛИ расположился госпиталь.

Вернёмся к альманаху «Уральский современник», который, как уже сказали, несмотря на описанную Б.С. Рябининым картину, все-таки выходил. В 1942 году он вышел объемом в 11,5 печатных листов и тиражом 3 тысячи экземпляров. В 1943-м – объемом 14 авторских листов и тиражом в 10 тысяч экземпляров, а в 1944 году вышел двумя выпусками по 7 листов. Конечно, для писателей и читателей этого было очень и очень мало. Тем более, что в 1945 и 1946 годах альманах не выпускался вообще и не выпускался по самой неожиданной причине – не хватило бумаги, потому что в эти два года страна в преддверии победы и, глядя в будущее, всю бумагу отдала под школьные учебники – в основном для освобожденных от оккупации территорий. Но, как вспоминает Б.С. Рябинин, и как показывает архивный документ, многие имели возможность выхода к читателю и слушателю (в отличие от нынешнего времени) на страницах газет и на радио.

А дело с изданиями книг в Свердловске в этот период обстояло так.

В 1942 году были изданы: литературно-художественный сборник «Говорит Урал» объемом в 320 страниц; «Сокровищница тайн» Низами Гянджеви с переводом и комментариями Мариэтты Шагинян; Новые рассказы Ольги Форш; два выпуска детского альманаха «Боевые ребята»; Очерки Федора Гладкова о людях Уралмаша; сказ П. Бажова «Ключ камень»; стихи А. Кузнецовой; «Красные флажки» И. Ликстанова; повесть о женщинах тыла С. Марголис; сборник статей В. Финка; рассказ О. Иваненко; отдельными изданиями вышли А. Барто, Л. Кассиль, Г. Бояджиев, Е. Пермяк, И. Садофьев. Кроме этого, вышли литературно-эстрадный сборник «Боевая волна»; сказка К. Токаревой; сборник К. Боголюбова «Идет война народная»; баллады О. Высотской; сборник очерков «Мы победим» Федора Гладкова; книги Анны Караваевой, Бориса Рябинина, Дмитрия Босого. Правда, большинство изданий были маленькими по объему – от 16 до 50 страниц и в серии «Библиотека школьника». Но сама постановка вопроса – книгу детям! – достойна преклонения.

Таких подробных обзоров за последующие годы альманах не публикует. И, кроме того, в писательском альманахе публиковались почти все названные авторы. И появились в альманахе новые имена уральцев: В. Стариков, Ю. Хазанович, уже упомянутый Иосиф Ликстанов, Бела Дижур, Михаил Пилипенко. Кроме художественной литературы,

альманах публиковал статьи об Урале профессора В.В. Данилевского, академика Обручева, геолога Н. Чочиа, искусствоведа Н. Евстафеева, статьи о том, как «боролся Герцен с австро-венгерской реакцией», об участии в Отечественной войне 1812 года будущего композитора А.А. Алябьева. Клавдия Рождественская публиковала свои исследования о средневековых дорогах через Урал в Сибирь – Чердынско-Лозьвинской и Бабиновской, писала об уральском математике И.М. Первушине, издававшем в середине 19-го века свой журнал в Шадринске. Она же делала литературные обзоры. И в обзоре за 1942 год (альманах за 1943 год) в статье «Литературные итоги 1942 года» она сообщает: «Свердловская писательская организация к началу 1942 года не была многочисленной. Незадолго до войны умер прекрасный художник-гуманист тагилец А.П. Бондин. В 1941 году не стало Юрия Владиславовича Цехановича и Дмитрия Ивановича Казанцева, автора интересной автобиографической повести «Яблочный пир». Погибли в боях за Родину прекрасный поэт романтической героики Владислав Занадворов, автор романа «Урман» Иван Панов, Александр Савчук. В РККА – Н. Куштурм и Борис Гранин, писавший о колхозной жизни...» Ничего не сказано в этом обзоре о Константине Реуте.

И из упоминания в обзоре Д.И. Казанцева так и просится вывод о том, что известный на Урале селекционер Д.И. Казанцев, чей сад на улице Октябрьской революции жив до сих пор и является достопримечательностью Екатеринбурга, был членом Союза писателей. Но, конечно, этот факт надо проверять.

Далее о публикациях в альманахе «Уральский современник». А. Ладейщиков обозревал выходящие в стране книги, например, такие: Денис Давыдов «Дневник партизанских действий 1812 года» с предисловием А. Котова; Л. Перепелов «Ленинградские лётчики»; К. Симонов «Третий адъютант». Все эти книги были изданы в Свердловске в 1942 году. И он, кстати, оказался первым, кто сделал попытку исследовать творчество погибшего под Сталинградом в ноябре 1942 года поэта Владислава Занадворова, приславшего в альманах свои стихи с фронта:

Три взрыва – указано в штабе. Три взрыва. Ночная тревога.
Приглушенный голос команд, храп коней и бряцанье лопат.
Походной колонной повзводно сквозь лес убегает дорога
Вся в бледном сиянье штыков, в лунных бликах на касках солдат.
Ночные неясные тени, но быстро на дымном рассвете
Полнеба объемят зарницы, полнеба во вспышках огня.
Когда-нибудь станут по карте, волнуясь, разыскивать дети
Всю эту дорогу победы, дорогу грядущего дня.

А. Ладейщиков в своей статье о Владиславе Занадворове привёл несколько строк из его письма, написанного в феврале 1942 года: «Я сейчас часто думаю о том, как хорошо будет после войны. Нужно так много жить, так много работать, так много любить». Но

28 ноября 1942 года в боях за станицу Чернышевская во время операции по окружению немецкой 6-й армии под Сталинградом командир артиллерийско-минометно-пулемётного взвода 59-го гвардейского пулемётного батальона 47-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии лейтенант Занадворов погиб.

С прискорбием приходится констатировать, что едва ли ныне «волнуясь, разыскивают дорогу Победы» – дорогу отцов, дедов, прадедов современные дети, получающие высшее образование, но не умеющие грамотно читать и писать. До дороги Победы ли им... Да ведь и мы, их отцы и деды, приложили к этому свою равнодушную руку.

И в годы войны был удостоен Сталинской премии 2-й степени Павел Петрович Бажов за сборник сказов «Малахитовая шкатулка». В 1948 году Сталинской премии 3-й степени будет удостоен И. Ликстанов за повесть «Малышок».